

В ВЫСОКОМ СУДЕ ПРАВОСУДИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ СУДОВ АНГЛИИ И УЭЛЬСА
КОММЕРЧЕСКОГО СУДА ОТДЕЛЕНИЯ КОРОЛЕВСКОЙ СКАМЬИ

М Е Ж Д У :

ЕРМЕК АЛИМОВ

Истец

И

(1) АБДУМАЛИК МИРАХМЕДОВ
(2) РАШИТ МАХАТ
(3) АНДРЕЙ КИМ
(4) КОМПАНИЯ GENESIS DIGITAL ASSETS LIMITED

Ответчики

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ ЕЛЕНА КАПЛУНОВСКОЙ

Я, **ЕЛЕНА КАПЛУНОВСКАЯ**, [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] **ЗАЯВЛЯЮ**
СЛЕДУЮЩЕЕ:

1. Я гражданка Казахстана, проживаю в Караганде, Казахстан, где я уже пять лет нахожусь на пенсии. До выхода на пенсию я работала в различных компаниях, в основном в энергетическом секторе.
2. С 1990 по 1998 год я работала в банковском секторе и в различных компаниях в качестве главного бухгалтера. С 1999 по 2004 год я работала в группе энергетических компаний Караганды (Karaganda Power, Karaganda Distribution с

2002 года переименованы в «Караганда Жилу» и «Караганда Жарык» под руководством KKS). С июля 2004 г. по ноябрь 2007 г. я работала на различных должностях в энергетической компании AES Global LTD в Казахстане. Я также работала генеральным директором Bassel Group LTD LLP - владельцем Карагандинской государственной районной электростанции №1 («КапГРЭС-1» Темиртау). До марта 2017 года я работала в различных других компаниях (в том числе в Нигерии в Six Sigma Way LLP) в качестве финансового директора, коммерческого руководителя и финансового руководителя, а затем пришла в АО «АстанаЭнергоСервис», где работала до лета 2018 года.

3. Мой родной язык — русский, и я плохо владею английским. Это заявление было подготовлено после письменных и телефонных переговоров с юридическими представителями Второго Ответчика, компании «Мишкон де Рейя ЛЛП» [Mishcon de Reya LLP] (далее — «**Mishcon**»), один из которых свободно говорит на русском языке. Перевод данного заявления на английский язык был подготовлен и будет предоставлен вместе с подписанной мною версией на русском языке.
4. Факты и обстоятельства, изложенные в настоящем заявлении, известны мне лично, если прямо не указано иное. По имеющимся у меня сведениям, которым у меня есть все основания доверять, все факты и обстоятельства верны. В тех случаях, когда факты и обстоятельства мне не известны, я указываю источник моей информации и полагаю, что они верны, насколько мне известно и насколько я в этом убежден.
5. Я ссылаюсь на пакет документов с отметкой «**EK1**» на странице. Он содержит копии документов, на которые я ссылаюсь в данном заявлении. Если контекст не уточняет иное, ссылки на номера страниц в этом заявлении относятся к **EK1**.

Мои отношения с г-ном Алимовым

6. Впервые я встретила с г-ном Алимовым в 2002 году, когда он присоединился к группе энергетических компаний Караганды и был моим непосредственным руководителем. Мы работали вместе до тех пор, пока я не уволилась в 2004 году, и у нас были хорошие профессиональные отношения. Мы поддерживали связь на протяжении многих лет и время от времени общались.

7. В марте 2017 г. г-н Алимов позвонил мне в Нигерию. Мы обсудили мои планы по возвращению в Казахстан, и проекты, которые мы, включая г-на Джона Аббаса Зайди («г-н Зайди») и экспертов Six Sigma Way LLP, могли взять на себя по возвращении.
8. Примерно в июне 2017 года, до того, как я начала работать в АО «АстанаЭнергоСервис», г-н Алимов попросил меня и некоторых из моих коллег, включая г-на Зайди, рассмотреть возможность предложения инвесторам определенных электростанций в Казахстане для конкретного проекта. Мне не были предоставлены какие-либо конкретные сведения о цели этого проекта. Г-н Алимов только объяснил, что инвесторы ищут относительно небольшие электростанции, которые могут снабжать электричеством в частных целях.
9. Мы выбрали и проанализировали три объекта: (1) КарГРЭС-1, где я работала, (2) Риддерская ТЭЦ («Риддерская») и (3) Согринская ТЭЦ («Согринская»). Затем мы проверили все три объекта и подготовили технические отчеты, которые наша группа обсудила с одним из инвесторов, г-ном Андреем Кимом («г-н Ким»). Мне всегда было ясно, что расходы на проект, включая наши гонорары, в конечном итоге оплачивались инвесторами, включая и наши командировочные расходы, и билеты.

Подход г-на Алимова ко мне для предоставления доказательств в поддержку его иска

10. Г-н Алимов впервые обратился ко мне в конце марта 2024 года и сказал, что хотел, чтобы я помогла ему предоставить доказательства в поддержку судебного разбирательства, которое, как он сообщил мне, он инициировал в Англии. С тех пор г-н Алимов периодически связывался со мной, а затем, ближе к сроку дачи показаний г-ном Алимовым, это происходило каждый день. В основном мы говорили через WhatsApp и Zangi.
11. Начнем с того, что я, как минимум, была склонна помогать г-ну Алимову, поскольку я знала его уже давно, имела хорошие отношения с ним, и я не видела никаких проблем подтвердить те факты, связанные с событиями, свидетелем которых я являлась. Однако я не участвовала напрямую в каких-либо событиях, о которых г-н Алимов просил меня дать показания. Я выполняла обычные задачи по оценке активов только от имени г-на Зайди и не участвовала в каких-либо переговорах, связанных с основным проектом (о котором я знала очень мало). Поэтому мой

вклад в качестве свидетеля обязательно ограничен подтверждением того, над какими проектами мы работали, что, по моему мнению, было общеизвестным; и я не понимала, что это принесет г-ну Алимову.

12. Мне стало менее комфортно оказывать помощь, потому что г-н Алимов сказал мне, что его судебное разбирательство в Лондоне финансируется другими людьми, которые поддержали его иск. Идея о том, что третья сторона стояла за г-ном Алимовым и финансировала иск, личный для него, мне не очень нравилась. Г-н Алимов также сказал мне, что если я помогу ему, а он выиграет дело, он поделится со мной присужденной суммой. Мне это также не понравилось.
13. В то же время г-н Алимов начал рассказывать мне истории, которые, по его словам, он слышал о давлении на свидетелей, а также об угрозах ему и его семье различными способами. Он сказал, что на меня также будут оказывать давление, и когда это случится, я должна буду немедленно сообщить ему об этом.
14. Поскольку на меня повлияли истории г-на Алимова, изначально я боялась, особенно когда со мной пытался связаться, в числе через моего мужа, человек, которого я не знала (что является для меня обычным, учитывая, что я предоставляю профессиональные консультативные услуги). Сначала я считала, что каждый из этих людей является каким-то «посредником», который будет оказывать давление или угрожать мне; хотя по факту такого никогда не было. Действительно, в том, что г-н Алимов говорил, не было никакого здравого смысла, поскольку у меня не было (и нет) никакой значимой информации, которую я могла бы предоставить в качестве свидетеля. Подчеркну, я не сталкивалась с давлением или угрозами, и ни один из "посредников" не оказывал давления на меня или на кого-либо из членов моей семьи.
15. Но эта версия событий не подходила г-ну Алимову, и он постоянно навязывал мне свое мнение о том, что на меня, должно быть, оказывается давление. Затем г-н Алимов напрямую попросил меня заявить, что я не могу дать показания, потому что мне угрожали. Он сказал мне, что мое заявление таким образом поможет ему победить и спасти его и его семью. По причинам, которые я объясняю ниже, я отказалась давать такие показания, поскольку это не так (и было не так).
16. Не имея желания участвовать в этом процессе и не имея чего-либо ценного, что я могу принести в качестве свидетеля, я чувствовала, что единственным выбором

было дать г-ну Алимову то, что он хотел. Я сказала г-ну Алимову, что мой муж запретил мне участвовать в судебном разбирательстве, потому что он боялся за мою безопасность и безопасность наших детей, а также за будущее нашей семьи. Я повторила г-ну Алимову то, что он мне говорил: что членам семьи угрожают и на них оказывается давление; и я также сказала, что то же самое происходило с г-ном Зайди. Я сказала это, потому что я думала, что это ему подходит, и надеялась, что, сказав это, я мне удастся избежать участия в этом процессе. Теперь я понимаю, насколько это было неправильно.

17. Я не обвиняю г-на Алимова в повторении того, что я ему сказала. Тем не менее, я никогда не представляла, что г-н Алимов может записывать меня, и что он предоставил это в качестве доказательства в судебном разбирательстве. Я, конечно, не давала согласия на запись нашего разговора.

18. Учитывая это, теперь я должна исправить эту позицию, чтобы не вводить Суд в заблуждение. Истинная позиция заключается в том, что я не давала показаний, потому что я не могла сообщить ничего полезного и чувствовала себя некомфортно по причинам, изложенным выше. Это ясно из стенограммы моего разговора с г-ном Алимовым, на которую я ссылаюсь ниже. Поскольку я не могла сказать ничего полезного в поддержку дела г-на Алимова, любая угроза для меня была бы бессмысленной. Я была незначительным человеком в истории, не имея полезных знаний, и угрожать мне не было причин. Соответственно, я хочу совершенно ясно дать понять, что, несмотря на то, что я сказала г-ну Алимову, что, как я сейчас вижу, мне не стоило бы делать, никаких угроз нет и не было, как нет и не было никакого давления и никаких стимулов со стороны кого-либо в отношении меня или моей семьи, и я сообщила г-ну Алимову об этом. В этих обстоятельствах я также не хотела давать показания о том, что мне угрожали или на меня оказывали давление, учитывая, что эта история была вымышленной.

19. Я не знаю, верил ли г-н Алимов мне в то, что мне угрожали. Если бы г-н Алимов думал, что мои истории заслуживают доверия, я уверена, что он бы серьезно засомневался в том, что я бы предоставила доказательства этих угроз, потому что это, очевидно, подвергало бы меня и мою семью риску. Мне также кажется, что если бы он действительно поверил мне, он бы не подвергал риску меня и мою семью, упомянув в своих показаниях предполагаемые угрозы против меня.

Телефонный звонок от 7 июня 2024 г. и стенограмма

20. 7 июня 2024 г. у нас с г-ном Алимовым состоялся телефонный разговор («звонок 7 июня») вечером, приблизительно в 17:00. Разговор длился около 30 минут. Я должна сказать, что перед звонком 7 июня я выпила достаточно много алкоголя с друзьями. Отчасти это было связано с постоянным стрессом, который я испытывала за несколько дней до этого, отказавшись помочь г-ну Алимову (которого я все еще считала своим другом) и почувствовав, что я вынуждена быть нечестной из-за историй о том, что я нахожусь под давлением.
21. Во время звонка мне было неясно, почему г-н Алимов попросил меня вспомнить и повторить детали того, что я уже сказала ему во время предыдущих звонков. Некоторые из вопросов г-на Алимова вообще не были связаны с его судебным разбирательством, например, о ссоре, которая была у меня с мужем, о моем участии в этом процессе, а также о сфабрикованных мной и рассказанных ему историях о давлении и угрозах. Я повторила эти пункты и добавила дополнительную информацию; опять же, потому что я понимала, что эта (ложная) версия событий очень хорошо подходила г-ну Алимову, и потому что я подумала, что, хоть это было и неправильно, это был лучший способ выйти из процесса. Я надеялась, что этого будет достаточно, чтобы г-н Алимов оставил меня в покое и прекратил просить постоянно давать показания в его поддержку; особенно потому, что г-н Алимов неоднократно говорил мне, что если на меня будет оказываться давление, он поймет и перестанет просить меня давать показания. Находясь под воздействием алкоголя во время разговора, я почувствовала себя более уверенно, фабрикуя подробности этих историй и убедительно объясняя ложь.
22. Я считала наш звонок просто вечерним разговором, в то время я не понимала его цели, и я была довольно пьяна. Мне казалось, что детали, которые я добавила в эту историю, были очень убедительными и достаточными.
23. Я не знала, что меня записывают, я никогда бы не согласилась на это; и в любом случае я никогда бы не предвидела потенциальных последствий того, что сказанное мной используется в судебном разбирательстве в Англии, особенно без моего ведома. Я не думала об этом разговоре после того, как он состоялся; и, как я говорю выше, я узнала о его использовании только в июле 2024 года. Рассмотрев то, что, как я понимаю, является стенограммой звонка, я отмечаю следующее:

- a) Поведение г-на Алимова казалось очень официальным, и мне казалось, что в помещении вместе с ним может быть кто-то еще. Я считала, что это так, из-за характера вопросов, которые он задавал. Это побудило меня спросить г-на Алимова, один ли он, и он подтвердил это; и
- b) Г-н Алимов признал, что у меня нет никаких подходящих доказательств, которые можно было бы предоставить в отношении его заявления о том, что он является партнером, и заявил, что он никогда не намеревался делать меня свидетелем по этой причине, поскольку мы оба знали, что у меня нет соответствующих доказательств, которые можно было бы предоставить по этой теме. Из стенограммы ясно, что г-н Алимов хотел, чтобы я сказала, что я был запугана.

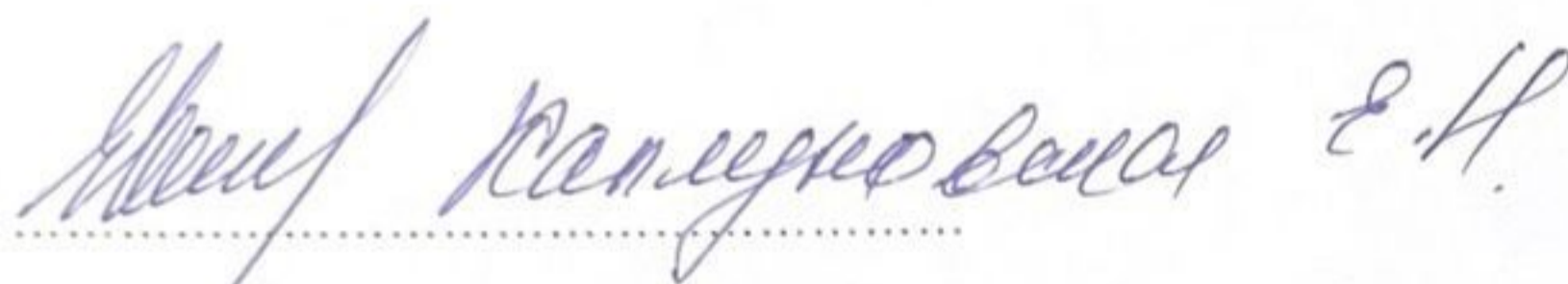
Пожар в моем доме 3 августа 2024 г.

24. 3 августа 2024 г. приблизительно в 18:00 в пристройке к моему дому начался пожар. Причина пожара была случайной и была вызвана проблемой с плитой. Это было серьезное происшествие, так как для тушения пожара прибыли девять пожарных команд. Мы с мужем получили полицейский протокол с указанием причины пожара [ЕК1/2-5]. Как показывает этот протокол, пожар был случайным без подозрений на какие-либо преступные намерения. Мы все, семья из пяти человек, были дома, когда начался пожар, а доступ к пристройке возможен только через дом, то есть мы знали бы о любых «нарушителях», могущих вызвать пожар (чего, конечно, не было).

25. Насколько мне известно, юристы г-на Алимова (предположительно по поручению) ссылались в переписке на этот инцидент и на публикацию, которую я сделала в Facebook, чтобы заверить своих друзей и семью, что члены моей непосредственной семьи и я были в порядке после пожара [ЕК1/6-7]. Насколько мне известно, они назвали пожар «поджогом». Это не было поджогом, и моя публикация в Facebook не указывала на это. Я бы также добавила, без отказа от адвокатской тайны, что пожар произошел после того, как я согласилась дать эти свидетельские показания.

Заявление о достоверности фактов

Я считаю, что факты, изложенные в настоящих свидетельских показаниях, являются достоверными. Я понимаю, что судебное разбирательство по поводу неуважения к суду может быть возбуждено против любого лица, которое делает или заставляет делать ложное заявление в документе, подтвержденном заявлением о достоверности фактов, без искреннего убеждения в его достоверности.

ЕЛЕНА КАПЛУНОВСКАЯ

Дата: 6 сентября 2024

Иск №: CL-2023-000262

В ВЫСОКОМ СУДЕ ПРАВОСУДИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ СУДОВ АНГЛИИ
И УЭЛЬСА
КОММЕРЧЕСКОГО СУДА ОТДЕЛЕНИЯ КОРОЛЕВСКОЙ
СКАМЬИ

М Е Ж Д У :

ЕРМЕК АЛИМОВ

Истец

И

(1) АБДУМАЛИК МИРАХМЕДОВ
(2) РАШИТ МАХАТ
(3) АНДРЕЙ КИМ
(4) КОМПАНИЯ GENESIS DIGITAL ASSETS
LIMITED

Ответчики

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ
ЕЛЕНА КАПЛУНОВСКОЙ

Mishcon de Reya LLP
Africa House
70 Kingsway
London WC2B 6AH
Тел.: 020 3321 7000
Ссылка: KN/OF/67913.2
DX 37954 Kingsway

Адвокаты Второго Ответчика

Konstantin Zaboriskii
Konstantin Zaboriskii (Sep 6, 2024 20:42 GMT+3)

IN THE HIGH COURT OF JUSTICE
BUSINESS AND PROPERTY COURTS OF ENGLAND AND WALES
COMMERCIAL COURT (KING'S BENCH DIVISION)

B E T W E E N :

YERMEK ALIMOV

Claimant

and

(1) ABDUMALIK MIRAKHMEDOV
(2) RASHIT MAKHAT
(3) ANDREY KIM
(4) GENESIS DIGITAL ASSETS LIMITED

Defendants

**WITNESS STATEMENT OF ELENA
KAPLUNOVSKAYA**

**I, ELENA KAPLUNOVSKAYA, [REDACTED] WILL
SAY:**

1. I am a Kazakhstani national, resident in Karagandy, Kazakhstan where I have been retired for five years. Before I retired, I worked for various companies, mainly in the energy sector.
2. From 1990 to 1998 I worked in the banking sector and at various companies as a chief accountant. From 1999 to 2004 I worked in the Karaganda group of energy companies (Karaganda Power, Karaganda Distribution since 2002 renamed to

Karaganda Zhylu and Karaganda Zharyk under KKS management). From July 2004 to November 2007, I worked in various positions in the energy company AES Global LTD, in Kazakhstan. I also worked as General Director of Bassel Group LTD LLP - owner of Karaganda State District Power Plant-1 ('KarGRES-1' Temirtau). Up to March 2017, I worked in various other companies (including in Nigeria for Six Sigma Way LLP) as Financial Director, Commercial Leader, and Finance Officer, before joining AstanaEnergService JSC, where I worked until summer 2018.

3. My native language is Russian, and I speak very limited English. This statement has been prepared following written and telephone discussions with the Second Defendant's legal representatives, Mishcon de Reya LLP ("**Mishcon**"), one of whom is a fluent Russian speaker. An English translation of this statement has been prepared and will be provided alongside the Russian version which I have signed.
4. The facts and matters set out in this statement are within my own knowledge, unless the contrary is expressly stated. Where they are within my own knowledge, they are true to the best of my knowledge and belief. Where the facts and matters are not within my own knowledge, I give the source of my information and believe them to be true to the best of my knowledge and belief.
5. I refer to a paginated bundle of documents marked "**EK1**". It contains copies of the documents to which I refer in this statement. Unless the context makes otherwise clear, references to page numbers in this statement are to **EK1**.

My relationship with Mr Alimov

6. I first met Mr Alimov in 2002 when he joined the Karaganda Group of Energy Companies and was my direct supervisor. We worked together until I left in 2004 and had a good professional relationship. We kept in touch over the years and communicated briefly from time to time.
7. In March 2017, Mr Alimov called me in Nigeria. We talked about my plans to return to Kazakhstan and the projects we, including Mr Jon Abbas Zaidi ("**Mr Zaidi**") and the experts at Six Sigma Way LLP, could take on upon my return.

8. In or around June 2017, before I started working at AstanaErgoService JSC, Mr Alimov asked me and some of my colleagues including Mr Zaidi to consider whether certain power stations in Kazakhstan might be suitable to offer to investors for a particular project. I was not given any specific details on the purpose of this project. Mr Alimov only explained that the investors were looking for relatively small power stations that could supply electricity for private use.
9. We selected and analysed three sites (1) KarGres-1, where I used to work, (2) Ridderskaya Thermal Power Station ("**Ridderskaya**") and (3) Sogrinskaya Power Station ("**Sogrinskaya**"). We then inspected all three of the facilities and prepared technical reports that our group would discuss with one of the investors, Mr Andrey Kim ("**Mr Kim**"). It was always clear to me that the expenses for the project, including our fees, were ultimately being paid for by the investors, including also our travelling expenses, tickets.

Mr Alimov's approach to me to provide evidence in support of his claim

10. Mr Alimov first approached me in late March 2024, and told me that he wanted me to assist him in providing evidence in support of a litigation which he told me he had issued in England. From then on, Mr Alimov would contact me from time to time, and then, closer to Mr Alimov's court deadline for filing evidence, it would be every day. We mostly talked via WhatsApp and Zangi.
11. I was at least to begin with and in principle inclined to assist Mr Alimov, as I had known him for a long time, had a good relationship with him, and I did not see any issues with confirming facts relating to events I had witnessed. However, I had no direct involvement in any events about which Mr Alimov was asking me to give evidence. I only performed routine asset valuation work on behalf of Mr Zaidi and did not have any active involvement in any negotiations relating to the underlying project (about which I knew very little). My contribution as a witness would therefore necessarily be limited to confirming which projects we were working on, which I believed was common knowledge; and I did not understand what this would add for Mr Alimov.
12. I became more uncomfortable about providing my assistance because Mr Alimov told me that his litigation in London was being funded by other people who supported his claim. The idea that a third party was sitting behind Mr Alimov funding a claim personal to him did not sit right with me. Mr Alimov also told me

that if I helped him and he won his case, he would share the awarded amount with me. I also was not comfortable with this.

13. At the same time, Mr Alimov began to tell me stories he said he had heard about pressure on witnesses, as well as threats to him and his family, all via different methods. He said that I would also be pressured, and when I was, I should immediately tell him about it.
14. Having been influenced by Mr Alimov's stories, I was initially fearful, particularly when a person I did not know tried to contact me including indirectly through my husband (which is common for me, given that I provide professional consultancy services). I would initially perceive each those people as some kind of 'intermediary' who would be about to pressure or threaten me; though this never turned out to be the case. Indeed, there was no common sense in what Mr Alimov was saying, since I did (and do) not have any relevant information to give as a witness. To be clear, I have come under no pressure or threats, nor have any intermediaries pressured me or any member of my family.
15. But this version of events did not suit Mr Alimov, and he constantly imposed on me his opinion that I must have been coming under pressure. Mr Alimov then directly asked me to testify that I could not give evidence because I had been threatened. He told me that my testifying in this way would help him win and save him and his family. For the reasons I explain below, I refused to provide such testimony, as it is (and was) a lie.
16. Not having any desire to participate in the process, nor having anything of value that I could bring as a witness, I felt that the only choice was to give Mr Alimov what he wanted. I told Mr Alimov that my husband had forbidden me to participate in the litigation because he feared for my and our children's safety, and our family's future. I repeated back to Mr Alimov what he had kept telling me: that family members had been threatened and pressured; and I also said that the same had happened to Mr Zaidi. I said this because I thought that it suited him to hear it, and I hoped that by saying it, I would be spared the need to participate in this process. I realise now how misguided this was.
17. I do not blame Mr Alimov for repeating what I told him. However, I never appreciated that Mr Alimov might record me, and to have provided this as

evidence in Court proceedings. I certainly did not give my consent to the recording of our conversation.

18. Given that, I must now correct the position so as not to mislead the Court. The true position is that I was not giving evidence because I had nothing useful to say and felt uncomfortable for the reasons, I have set out above. This is clear from the transcript of my conversation with Mr Alimov to which I refer below. Because I had nothing useful to say to support Mr Alimov's case, any threat to me would have been pointless. I was a minor figure in the story with no useful knowledge and there was no reason for me to receive any threats. Accordingly, I want to make it absolutely clear that, despite what I told Mr Alimov – which I now see I should not have done – there were and are no threats, no pressure and no inducements from anyone towards me or my family and I made Mr Alimov aware of this. In those circumstances I was also not willing to provide testimony that I had been threatened or pressured, given that that was a story I had fabricated.
19. I do not know whether Mr Alimov believed me about having been threatened. If Mr Alimov thought my stories were credible, I am sure he would have seriously doubted that I would have given evidence of those threats because that would obviously put me and my family at risk. It also seems to me that if he really believed me, he would not have put me and my family at risk by mentioning the alleged threats against me in his statement.

The 7 June 2024 phone call and the transcript

20. On 7 June 2024, Mr Alimov and I had a telephone conversation (the "**7 June Call**") in the evening, at approximately 5pm. The conversation lasted about 30 minutes. I have to say that before the call on the 7th of June I had drunk quite a lot of alcohol with my friends. This was in part because of the constant stress I had felt in the days before in having refused to help Mr Alimov (whom I still regarded as my friend) and having felt forced to be dishonest with my stories about being placed under pressure.
21. During the call, it was unclear to me at the time why Mr Alimov asked me to remember and repeat details of what I had already said to him on previous calls. Some of Mr Alimov's questions were not related to his litigation at all, such as about the quarrel I had had with my husband about my participation in the process; and the stories about pressure and threats that I had made up and told

him. I repeated those points and added further details; again, because I understood that this (false) version of events suited Mr Alimov very well, and because I thought – however misguidedly – that it was the best way to get myself out of the process. I had hoped that it would be enough to lead Mr Alimov to leaving me alone and stopping his repeated requests for evidence to support him; especially because Mr Alimov repeatedly told me that if I was pressured he would understand and stop asking me for evidence. Being under the influence of alcohol during the conversation, I felt more confident in making up details of these stories and telling lies convincingly.

22. I regarded our call as just an evening conversation, I did not understand its purpose at the time, and I was quite drunk. The details I added to the stories seemed to me to be very convincing and sufficient.

23. I was not aware that I was being recorded, I never would have consented to that; and in any event, I would never have anticipated the potential consequences of what I said being used in court proceedings in England especially without my knowledge. I did not really think about the conversation after we had it; and, as I say above, I only found out about its use in July 2024. Having reviewed what I understand to be a transcript of the call, I note the following:

- a) Mr Alimov seemed very formal, and it felt to me like he might have someone in the room with him. I believed this to be the case because of the nature of the questions he was asking. This prompted me to ask Mr Alimov whether he was alone, to which he confirmed that he was; and
- b) Mr Alimov accepted that I did not have any relevant evidence to give in relation to his claim that he was a partner and stated that he had never intended that I should be a witness for that reason, as we both knew that I had no relevant evidence to give on that subject. It is clear from the transcript that all Mr Alimov wanted me to say was that I was intimidated.

A fire in my home on 3 August 2024

24. On 3 August 2024 at approximately 6pm, a fire broke out in the annexe to my house. The cause of the fire was accidental, stemming from an issue with my stove. This was a major incident, with nine fire brigades arriving to extinguish the fire. My husband and I have obtained a police protocol setting out the cause of

the fire [EK1/2-5]. As that protocol shows, the fire was accidental with no suspicion of any criminal intent behind it. We all - a family of five - were at home when the fire started, and access to the annexe is only possible through the house, meaning that we would have been aware of any 'intruders' coming in to start the fire (which of course they did not).

25. I understand that Mr Alimov's lawyers (presumably on instructions) have referred in correspondence to this incident, and to a post I made to Facebook to reassure my friends and family that my immediate family and I were ok after the fire [EK1/6-7]. I understand that they have referred to the fire as "arson". It was not arson, and my Facebook post did not suggest that it was. I would also add, without waiver of privilege, that the fire occurred after I had agreed to provide this witness statement.

Statement of Truth

I believe that the facts stated in this witness statement are true. I understand that proceedings for contempt of court may be brought against anyone who makes, or causes to be made, a false statement in a document verified by a statement of truth without an honest belief in its truth.

.....

ELENA KAPLUNOVSKAYA

Dated: